

Г. И. Анохин

**О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ
Е. А. РЫДЗЕВСКОЙ
[1890—1941 гг.]**

Среди полузабытых имен наших предшественников мы находим имя Е. А. Рыдзевской. Ее вклад в советскую этнографию и этническую ономастику представляется весьма значительным и не утратил своей актуальности и в наши дни.

Закончив четыре курса словесно-исторического факультета Женского педагогического института, Рыдзевская уже с 1910 г. занималась археологией в Эрмитаже под руководством акад. Я. И. Смирнова¹. Первые научные труды ее были посвящены археологии.

На основании изучения коллекций Эрмитажа были написаны два сообщения о кладах: «Тверской клад 1906 года» и «Клады старых серебряных шейных гривен западного типа»². Третье сообщение («Клады серебряных вещей из Терслева») фактически представляет собой сокращенный пересказ вышедшей в Копенгагене статьи датского археолога Х. Иохансена³. Казалось, ей суждено стать именно археологом. И все же, не будучи археологом-полевиком (собственно, в разгар первой мировой войны и последовавших затем русских революций 1917 г. полевые археологические работы и не проводились), Рыдзевская в дальнейшем отошла от археологической тематики. К концу жизни она сама оценила упомянутые выше археологические сообщения как «все-на-всего» ученические работы описательного характера»⁴.

В последующий период Рыдзевская работала в области истории, а затем этнографии и этнической ономастики народов Скандинавии. Она использовала русские и скандинавские источники, относящиеся к раннему средневековью, анализировала данные фольклористики. Ни археолог, ни этнограф, изучающий раннее средневековье Скандинавии, не может без ущерба для науки обойти труды Рыдзевской.

Взаимосвязь русской и скандинавской тематики — характерная черта ее научного наследия. «Я как-никак скандинаvistка, вышедшая из русской истории как исходной точки и тесно связанная с нею»⁵, — писала она.

Начав в мае 1919 г. работу в Российской академии истории материальной культуры (РАИМК), Рыдзевская уже через полгода подготовила к печати и сдала на обсуждение статью «Холм в Новгороде и

¹ Архив Ленинградского отделения Института археологии (далее Архив ЛОИА), ф. 30, л. 2.

² См.: «Записки отделения русской и славянской археологии императорского русского археологического общества» (далее ЗОРСА), т. XI, Пг., 1915, стр. 9—21 и 191—196.

³ Aarboger for nordisk oldkyndighed ok historie, t. III, 2, København, 1912: то же во французском переводе в «Memoires de la Societe Royal des Antiquites du Nord», N. S., 1913, pp. 329—395.

⁴ Архив ЛОИА, ф. 312, оп. 3, № 496, лл. 9 и 10.

⁵ Там же, л. 10.

древнесеверный Holmgardr»⁶. Одновременно была завершена работа над статьями «Название Руси Гардарик у скандинавских писателей» и о варяжских божницах.

К сожалению, вышла в свет только первая из этих трех статей. В ней сделана попытка осветить один из многих невыясненных вопросов о происхождении местных названий в Киевской Руси и в Новгородской земле. Автор находит отражение некоторых из них в скандинавских сагах и других памятниках той эпохи и приходит к выводу, что Holmgardr обозначает более древнее, чем сам Великий Новгород, название части этого города, а именно поселения Холм на юго-востоке.

Рукопись «О названии Руси Гардарик у скандинавских писателей» не была опубликована. До сих пор не обнаружена рукопись о варяжских божницах. Два сохранившихся в архиве ЛОИА варианта текстов рукописи о названии Гардарик⁷ показывают, что Рыздзевская иначе подходит к термину Гардарик, чем некоторые наши современники, прямолинейно переводившие его как «страна городов». Вот отрывки из ее рукописи: «Что у скандинавов со словом gardr не связывалось понятие о городе в русском смысле этого слова, доказывает, между прочим, и отсутствие у них как в древности, так и в нынешнее время крупных центров с названиями, в состав которых входило бы это слово...

1. На основании значения, с которым слово gardr является перед нами в древнесеверном языке, можно было бы с уверенностью сказать, что оно вовсе не означает и не может обозначать города в смысле urbs и art и что нельзя поэтому объяснять название Gardariki как «страна городов», если бы не вышеприведенное место из Hauksbok, где русские города называются именно gard'ами.

2. Если же приходится на этом основании принять толкование Gardariki — «страна городов», то, во всяком случае, условно и со следующей оговоркой: объяснения этого названия следует искать не в древнесеверном слове gardr, как таковом, а в близком к нему русском «город», переименованном применительно к древнесеверному языку.

3. Что касается предположения, что русские города по внешнему виду значительно отличались от скандинавских, то на основании археологических исследований и изучения письменных памятников едва ли можно думать, что разница между ними была настолько значительна, чтобы дать повод назвать Русь Gardar и Gardariki на основании большего сходства русского города с усадьбой, хутором, чем с настоящим городом по скандинавским понятиям»⁸.

В 1929 г. Рыздзевская опубликовала в Германии небольшое исследование «Die danische Huno-Sage und eine Episode aus der altrussischen Chronik»⁹, год спустя в советском издании — статью «Несколько замечаний по поводу статьи В. А. Брима „Колбяги“»¹⁰, где дан анализ загадочного этнонима, «колбяги». Еще через год на немецком языке была опубликована статья «Ein Skandinavischer Beiname in einer russischen Chronik»¹¹. Сравнивая встречающиеся в IV и V хрониках Новгорода XV в. и в рукописях XV—XVII вв. имена Водмоль, Володимен, Володимер, Водомол, Вдьмол с их аналогами в древноревежском языке vadmal, древнешведском — varpmal, латышском — wadmala, эстонском — wadmäl, автор обосновывает мысль о том, что в русских хрониках употребляются скандинавские прозвища, которые ведут свое происхождение от названия грубоотканого сукна вадмоля.

⁶ «Известия Российской академии истории материальной культуры», т. II, Пг., 1922, стр. 105—112.

⁷ Архив ЛОИА, ф. 39, № 1.

⁸ Там же, лл. 16 и 17.

⁹ «Acta philologica Scandinavica», S. 34—40.

¹⁰ «Доклады Академии наук СССР», № 8, Л., 1930, стр. 137—142.

¹¹ «Zur slavische Philologie», Herausgegeben von Dr. Max Vasmer, Bd. VIII, Doppelheft 1/2, Leipzig, 1931, S. 102—108.

В 1932 г. вышло небольшое, но принципиально важное исследование Рыдзевской «К летописному сказанию о походе Руси на Царьград в 907 году»¹². В нем проводится анализ того отрывка из летописи, где речь идет о парусах разного качества у разных групп дружинников. Сопоставляя данные о том, что у «руси» были паруса из одного, высококачественного материала, а у других дружинников — из низкачественного, конопляного материала, автор делает вывод, что термин «русь» — это обозначение классовое, а не этническое.

В большом, пожалуй, самом крупном, исследовании Рыдзевской «К варяжскому вопросу»¹³ разбираются топонимы северо-запада Руси и верховий бассейна Волги. Автору удалось показать ареалы наибольшего воздействия варяжских имен и слов на местное население и топонимию. Небольшое сообщение «Новый список проекта договора Новгорода с Любеком и Готландом 1269 г.»¹⁴ показывает, насколько широки были интересы ученой. Она хорошо знала историю всего Балтийского бассейна, была лингвистом-германистом, хорошо ориентировалась в средневековых германских диалектах. В ее статье «Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвасон»¹⁵ интересно поставлена проблема о происхождении князя Владимира и о причинах его тесных связей со скандинавами.

В своих последних публикациях (1936—1939 гг.) Рыдзевская проявила себя как последовательный историк-марксист. В статье «Слово „смерд“ в топонимике», анализируя топонимические данные, производимые от слова «смерд», которые встречаются как в летописях и древнейших актах, так и в более поздних источниках, до этого не собранных и не изученных, Рыдзевская определяет ареал их распространения, а также взаимосвязь древнерусского социального термина «смерд» и этнического термина «мордва»¹⁶.

В статьях «Литература по вопросу о пережитках тотемизма у древних германцев»¹⁷ и «О пережитках матриархата у скандинавов, по данным древнесеверной литературы»¹⁸ приведены свидетельства в пользу существования в прошлом у скандинавов тотемизма и материнского рода.

В большой статье «Некоторые данные из истории земледелия в Норвегии и в Исландии в IX—XIII вв.»¹⁹ кропотливо собран громадный материал из древнескандинавских источников, который воссоздает широкую картину истории земледелия в Исландии и Норвегии.

Доклад «Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе» был прочитан автором 14 апреля 1941 г. на заседании сектора дофеодальной и феодальной Восточной Европы. В нем приведены многочисленные доказательства существования Старой Ладоги как города, отдаваемого новгородским князем скандинавам — главарям его наемной дружины в «держание». Статья была опубликована лишь в 1945 г.²⁰

Рыдзевская умерла в 1941 г. в осажденном Ленинграде.

Из неопубликованного научного наследия большой интерес представляет прежде всего рукопись «Rossika». Это перевод всех тех частей древнесеверных источников, которые содержат сведения о Руси

¹² «Изв. АН СССР», серия отд. обществ. наук, № 6, Л., 1932, стр. 471—479.

¹³ «Изв. АН СССР», VII серия отд. обществ. наук, № 7—8, Л., 1934, стр. 485—532 и 609—630.

¹⁴ «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 5—6, М.—Л., 1935, стр. 118—127.

¹⁵ «Труды отдела древнерусской литературы», II, М.—Л., 1935, т. XVII, стр. 5—20.

¹⁶ «Проблемы источниковедения», сб. второй, «Труды историко-археографического ин-та АН СССР», т. XVII, М.—Л., 1936, стр. 5—16.

¹⁷ «Сов. этнография», 1936, № 3, стр. 121—127.

¹⁸ «Сов. этнография», 1937, № 2—3, стр. 15—44.

¹⁹ «Исторический архив», III, М.—Л., 1940, стр. 3—70.

²⁰ «Краткие сообщения ИИМК АН СССР», т. XI, М.—Л., 1945, стр. 51—64.

или о сношениях скандинавов с Русью. Материал рукописи в известной мере восполняет недостаток важнейших сведений по истории древней Руси.

К сожалению, этот труд остался незавершенным.

Акад. Б. Д. Греков и М. Каргер в общем положительно оценивали эту работу, но предлагали снабдить приведенные отрывки кратким пересказом источника, чтобы поставить данный отрывок в связь с контекстом. Будем надеяться, что ученые восполнят пробелы в рукописи Рыдзевской.

Рукопись «К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи»²¹, завершена, по-видимому, в 1940 г. В этом исследовании, представляющем собой широкое историческое полотно, предпринята попытка проследить и воссоздать в первичном виде предания о Рюрике, Синеусе и Труворе, Аскольде и Дире, а также дать первоначальную картину многих других аспектов древнейшей русской летописи путем сравнения со многими фольклорными мотивами в других славянских и скандинавских письменных источниках.

Имеется и ряд других, более мелких по объему рукописей, так и не увидевших света, но представляющих интерес для историков Древней Руси, особенно для тех, кто занимается варяжской проблемой. К ним, например, относятся статьи «О названии острова Березань», «О названии города Изборск», «Несколько замечаний по поводу книги Е. Г. Кагарова „Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе греков и германцев“»²².

Представляет интерес громадная библиографическая картотека по различным темам научных занятий Е. А. Рыдзевской²³. В ней историки средневековой Руси и Скандинавии, да и вообще медиевисты всех регионов почерпнут много полезного для себя.

Полагаю, что желательна была бы публикация научного наследия Рыдзевской и исследований о ее научном творчестве. Нашим ученым следовало бы вообще уделить больше внимания основательному изучению трудов наших предшественников.

²¹ Архив ЛОИА, ф., 39, № 17.

²² Там же.

²³ Там же, № 90—101, 111, 134.